

ИСТОРИЯ ПАРТИЗАНСКОЙ ПЕСНИ

Удивительна судьба известного человека, биография которого также связана с Алтаем. Пётр Парфёнов сумел совместить в себе таланты поэта-песенника, писателя, историка, военного деятеля, дипломата, руководителя крупного российского государственного ведомства и партийного функционера.

Фейерверк событий, перемен, должностей

Пётр Парфёнов родился 12 июня 1894 года в селе Никольское Белебеевского уезда Уфимской губернии (теперь это Башкирия). В молодости скитался в поисках работы. Ещё до революции его родители с многочисленными детьми перебрались на Алтай.

Вот что вспоминал об этом его брат Егор Парфёнов, проживавший на станции Гилёвка (записано с его слов 7 мая 1974 года сотрудником Завьяловского

районного музея Александром Фартышевым): «В 1913 году наш отец Семён Васильевич и наша родительница Парасковья Николаевна, посоветовавшись, отправили отца ходоком в Сибирь искать добрых мест для жизни. Подыскав место, мы всей семьёй из 13 человек, приехали, поселились в посёлке в четыре двора Угловском. А через год купили в соседнем посёлке у старожила Марковеда дом. Впоследствии наши посёлки соединились, и люди стали называть наш посёлок по имени отца Семёновским.

Тогда было в посёлке дворов 20. Жили бедно. Приходилось работать в работниках, даже просить подаяние. Но постепенно обжились, подрастили братья и сёстры. Особенно лучше стали жить при Советской власти. Нам хорошо помогал Пётр.

В 1924–1925 годах построили большой дом. Место у нас было весёлое. Усадьба под берёзовым

Пётр Парфёнов

колком. Летом кругом поля, воздух пахнет цветами. Жили мы одной семьёй до 1929 года.

Пётр с нами не жил. В Сибирь тоже не приезжал с нами. Из семьи ушёл ещё когда жили в Никольском...

Вот — краткое перечисление его занятий до начала Первой мировой войны: в 11 лет, после окончания третьеклассной школы, получив за успехи в учёбе похвальный лист и «Историю Ветхого Завета» в кожаном переплете, Пётр нанялся батраком к местным крестьянам, был свинопасом в родном селе, кучером, дворником, булочником в Златоусте, каменщиком в Уфе на Аша-Балашовском металлургическом комбинате, ремонтником на железнодорожной станции Порзя во Владивостоке, старшим бухгалтером, счетоводом, официантом ресторана в Харбине, учителем в селе Екатериновка Приморской области, учеником химика на Тетюхинских рудниках (ныне — Дальнегорск Приморского края). Ушёл добровольцем на фронт Первой мировой, за проявленную доблесть в боях получил Георгиевский крест и был произведён в унтер-офицеры, позже стал штабс-капитаном инженерных войск, служил в городе Наровчат Пензенской губернии, воевал на румынском фронте в Бессарабии. Пользуясь двухмесячным отпуском по случаю фронтовой контузии, июль–август 1917 года провёл на Алтае, в посёлке Семёновском (ныне исчезнувшем на территории Завьяловского района), где жили его родители и родственники. Некоторое время работал учителем в селе Глубоком нынешнего Завьяловского района.

В календарном 1918 году, который он провёл на Алтае, являлся членом Алтайского губисполкома, заведующим отделом народного образования исполнительного комитета Алтайской губернии, командиром полка имени Карла Маркса, инспектором строевой части штаба Алтайского фронта, арестантом барнаульской тюрьмы. После освобождения из неё жил в Семёновке у родителей, был снова арестован, сбежал из-под конвоя, мобилизован как бывший офицер царской армии и направлен 5 сентября 1918 года в Барнаульский полк. Вновь арестован 19 сентября 1918 года, выпущен 12 октября, снова арестован барнаульской контрразведкой 18 ноября 1918 года, приговорён к смертной казни. После страшных физических и моральных истязаний случайно спасся. Под чужим именем больше месяца находился в психиатрическом отделении военного госпиталя в Барнауле.

Выздоровев, связался с подпольщиками Омска, по их заданию работал в колчаковской контрразведке города Камня-на-Оби, снабжая партизан-подпольщиков ценными сведениями. О действиях «жандармского полковника», прототипом которого был Парфёнов, рассказано на страницах романа алтайского писателя Георгия Егорова «Солона ты, земля».

В барнаульском госпитале его дважды навещал земляк, будущий командир партизанской армии Алтая Ефим Мамонтов. Старший унтер-офицер, он скрывался от мобилизации в колчаковскую армию, собирая вместе с Яковом Парфёновым — братом Петром и другими славгородцами первый партизанский отряд.

На Дальнем Востоке и в столице

В годы Гражданской войны

Затем Пётр Семёнович переехал в Забайкалье и на Дальний Восток, где продолжалась Гражданская война, в которой он принял активное участие в качестве командира полка 8-й Забайкальской дивизии Красной армии, начальника политуправления Народно-революционной армии Дальневосточной республики.

В декабре 1920 – январе 1921 года Парфёнов, будучи особоуполномоченным центрального правительства Дальневосточной республики (ДВР), возглавлял мирную делегацию Приморского народного собрания на переговорах с начальником главного штаба охранных войск КВЖД в Харбине относительно судьбы 30 эшелонов с не вооружёнными остатками белой армии,

обеспечивал разоружение и реэвакуацию каппелевских и семёновских войск.

В мае 1921 года начальник политуправления Народно-революционной армии ДВР вошёл вместе с Василием Блюхером в коалиционное правительство — Совет министров Дальневосточной республики, организованный коммунистом Петром Никифоровым. А в конце 1921 года ему было поручено возглавить военно-техническую миссию ДВР.

В марте 1922 года Пётр Парфёнов переехал в Москву, где работал сотрудником Коминтерна, редактором журналов «Советский путь» и «Коллективист». Потом был заместителем торгового представителя СССР в Персии (Иране). В 1925–1926 годах являлся ответственным инструктором ЦК ВКП(б) по Сибири и Дальнему Востоку. Затем, в 1927–1929 годах, возглавлял оргплановое бюро Госплана, был назначен заместителем председателя, и, наконец, председателем Госплана РСФСР — важного межотраслевого ведомства. Конец 20-х годов прошлого века — это период свёртывания НЭПа, принятия решений об индустриализации и коллективизации. В пору его руководства Госпланом республики эти решения рождались и начинали воплощаться.

Являлся делегатом XIV съезда партии.

После ухода из Госплана сосредоточился на писательской и журналистской работе.

Печататься он начал ещё в 1915 году, публиковал в газетах стихи. В том числе и под псевдонимом «Пётр Алтайский». Его литературное творчество было замечено Максимом Горьким и Алексеем Новиковым-Прибоем.

Пётр Парфёнов является автором исторических книг «Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири», «В огне революции», «На соглашательских фронтах», «Борьба за Дальний Восток», повести «Поход на Гатчину», романа «Личное и общественное» и других литературных произведений. Работой «Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири 1918–1919, 1920 годы», как отмечено в «Биографической хронике», интересовался Владимир Ленин, с которым Парфёнов был лично знаком.

В своих работах, основанных на документальных источниках и личных воспоминаниях, он обосновывал отрицательное отношение США к захватническим планам Японии, доказывал, что сибирские и дальневосточные эсеры и меньшевики ориентировались на американскую интервенцию, показывал практические шаги мелкобуржуазных партий по созданию буферного государства с целью выиграть время для нового наступления на Советскую Россию.

Пётр Семёнович не скрывал своего отрицательного отношения к первому председателю правительства ДВР Александру Краснощёкову, политике большевиков в начале 1920 года, считая, что они, придерживаясь тактики буферного строительства, отвергали идею «единого национального фронта» для борьбы с Японией. Он отмечал, что буфер, который предложил Краснощёков, не отличается от того, что предлагают эсеры и меньшевики. Но коммунисты создавали буферное государство для присоединения ДВР к РСФСР, а их оппоненты — чтобы обособиться от Советской России.

В 1922–1927 годах в журнале «Сибирские огни» были опубликованы исторические очерки Петра Семёновича о событиях на Алтае, в том числе «Славгородское восстание», «Предоктябрьские дни в Сибири».

В 1934 году по рекомендации Максима Горького Петра Парфёнова приняли в Союз писателей. Он возглавлял Московское товарищество писателей.

В октябре 1935 года был арестован, препровождён в Бутырки. Через два года взяли жену Антонину Алексеевну. Детей Бориса и Глеба воспитывала бабушка.

Считается, что Пётр Семёнович погиб в заключении 29 июля 1937 года. Но в Завьяловском районном музее есть копия свидетельства о смерти Петра Парфёнова, в котором указано, что он умер 14 февраля 1943 года от правостороннего воспаления лёгких, о чём в книге записи актов гражданского состояния произведена соответствующая запись за номером 522. Этот документ прислал в Завьялово из Москвы сын поэта Борис.

Взамен «Канарейки»

Парфёнова, его творчество, возможно, давно забыли бы, если бы не приобретшая необыкновенную популярность песня «По долинам и по взгорьям».

Песня имеет необычную историю. Первый вариант героической песни начался строкой «По долинам, по загорьям». Несколько позже, в 1922 году, Парфёнов внес в текст ряд изменений («Волочаевские дни» вместо «николаевские дни» и так далее).

В 1929 году руководитель ансамбля красноармейской песни Центрального Дома Красной армии Александр Александров вместе с поэтом Сергеем Алымовым ввели в монтаж программы песню «По долинам и по взгорьям». С той поры этот откровенно слабый текст стал печататься под именем Алымова. В молодости он был анархо-коммунистом, отбывал срок в Сибири на каторге, в 1911 году сбежал в неё в Австралию, возвратился в СССР 1926 году, где был арестован и отправлен на строительство Беломорканала. Печатал в лагерном журнале «Перековка», в том числе известные поныне песни «Хороши в саду весной цветочки» и «Вася-Василёк». Заодно, зная об авторстве Парфёнова, подредактировал на свой лад текст песни «По долинам и по взгорьям».

Но текст оставался слабым. А автором мелодии был назван командир роты 134-го полка Украинского военного округа Илья Атуров, из уст которого Александров услышал мелодию песни.

В сентябре 1929 года песня «По долинам и по взгорьям» прозвучала перед воинами-дальневосточниками. После того, как она была записана на граммофонную пластинку, опубликована в сборниках, стали раздаваться голоса участников Гражданской войны, что известная песня приамурских партизан «По долинам, по загорьям» принадлежит Петру Парфёнову.

В 1934 году в газете «Известия» появилась коллективная статья, в которой указывалось имя подлинного автора, Парфёнова.

А в № 10 за 1934 год журнала «Музыкальная самодеятельность» Пётр Парфёнов в статье «История партизанской песни» сообщал: «Песня «По долинам по загорьям» имеет длинную историю. Текст её неоднократно перерабатывался мной. Окончательный вид песня приняла при следующих обстоятельствах.

После ликвидации колчаковщины и освобождения Владивостока политический уполномоченный (так назывались тогда войковые комиссары) при начальнике Никольско-Уссурийского гарнизона делал доклад о политико-моральном состоянии войковых частей, указал на полное отсутствие хороших революционных песен.

«Уже пять месяцев мы стоим, а красноармейцы наши распевают колчаковскую «Канарейку», а мы ничего не можем предложить им взамен. Ведь это позор, товарищи! — говорил уполномоченный.

«Правильно, — соглашается с ним Сергей Лазо, председательствующий на заседании. «Вот у Парфёнова есть хорошая партизанская песня, я сам слышал в Народном доме, но он не желает, чтобы её пели наши красноармейцы», — язвит по моему адресу Константин Войновский, начальник политического отдела.

Я даю справку, как обстоит дело с моей песней. Её надо переделать. Но это не так просто — написать новую у меня совершенно нет времени.

В длинную резолюцию по докладу политуполномоченного заместитель председателя военного совета Михаил Линдберг непременно хочет включить пункт о том, чтобы обязать меня в порядке военной дисциплины в трёхдневный срок представить на одобрение политического отдела текст красноармейского гимна. Его поддерживают К. Войновский, А. Кроковецкий (командующий Приморской

Красной армией), Б. Мельников, (член и секретарь военного совета), В. Сокович и А. Лундский (члены военного совета). Я горячо протестую, поскольку занимал тогда большую военную должность политического уполномоченного при командующем Красной армией Приморской области. Начальник политотдела (и его штаб) почти не располагал свободным временем. Воспользовавшись ближайшим воскресным днём, когда оперативной работы было меньше, я нашёл свою тетрадь со стихами и, заимствуя из неё мелодию, тему, форму и значительную часть текста написал за один вечер новую песню «Партизанский гимн»:

*По долинам, по загорьям
Шли дивизии вперед,
Чтобы с боем взять Приморье —
Белой армии оплот.
Чтобы выгнать интервентов
За рубеж родной страны.
И не гнуть пред их агентом
Трудовой своей спины.
Становились под знамена,
Создавали ратный стан
Удалые эскадроны
Приамурских партизан.
Этих дней не смолкнет слава
Не забудут никогда
Как лихая наша лава
Занимала города.
Сохраняется, точно в сказке
Вековые будто ини
Штурмовые ночи Спасска,
Николаевские дни.
Как мы гнали атаманов,
Как громили мы господ.
И на Тихом океане
Свой закончили поход.*

Первый, кому я прочитал своё новое произведение, был Эраст Васильевич Ильинский, судейский работник, который снимал комнату. Он из всех русских поэтов признавал одного Надсона и любил в стихах, прежде всего интимную лирику. Мой «Партизанский гимн» ему определённо не понравился.

При содействии В.А. Исаева, который на этот раз отнёсся к тексту более критически, мне тогда же удалось внести изменения в наиболее неряшлиевые куплеты.

*Этих дней не смолкнет слава
Не померкнет никогда.
Партизанские отряды
Занимали города.*

*Будут помниться как в сказке,
Как манящие огни
Штурмовые ночи Спасска,
Николаевские дни.*

После этого я показал песню К.А. Харнскому, который был активным сотрудником литературного отдела газеты «Дальневосточное обозрение». «Должен тебя огорчить, — мягко сказал Харнский. — Но я согласен с Кроковецким. В таком виде текст печатать нельзя».

С его доводами пришлось согласиться. Но переделка оказалась делом нелёгким. То размер был иной, то рифма фальшиво звучала, то новое содержание для всего куплета было чужеродным...

Тем временем события шли своим путём. 2-го апреля отплыл из Владивостока транспорт с американцами. А в ночь на 5 августа выступили японцы, предварительно заключив с нашим командованием «миролюбивое военное соглашение», и тем усыпив нашу бдительность. Выступили они сразу во всех пунктах Приморской области, где имелись наши гарнизоны, схватили и зверски сожгли живыми в паровозной топке лучших командиров — Лазо, Лундского (Сибирцева), Мигунона, Андреева, разгромили наши учреждения, склады, казармы.

...Мой «Партизанский гимн» стал произведением нелегальным. Даже информационный бюллетень правительства («ЦИБ»), редактируемый Михаилом Косолаповым, не рискнул напечатать песню. Но выступал я с песней довольно часто на вечерах и собраниях.

С 10 по 12 февраля 1922 года произошли решающие бои с японо-белогвардейцами на станции Волочаевская Амурской железной дороги. В результате Волочаевского поражения белые должны были очистить Хабаровск. Я заменил «Николаевские дни» «Волочаевскими». Одновременно с этим я исправил в песне «дней» на «лет», реконструировал «мы ...», дал посвящение «светлой памяти Сергея Лазо, сожжённого японо-белогвардейцами в паровозной топке». Но до моего отъезда с Дальнего Востока в марте 1922 года песня так и не была напечатана, главным образом, по той причине, что «поход на Тихом океане» ещё не был закончен.

Напечатали песню и не раз и не два уже без участия автора и без его подписи. И мне даже пришлось доказывать свои права на неё.

Успех «Партизанской песни» вовсе не случаен. Основные причины его следует искать в кровной связи текста с мелодией, романтике уссурийских долин и загорий, с героикой Гражданской войны и борьбы с интервентами, с трагедией отважного командира Сергея Лазо».

Посвящение Ефиму Мамонтову

Оказывается, у одного из варианта этой песни есть ещё одно посвящение. В начале 1919 года командующий партизанской армией Алтая Ефим Мамонтов попросил Петра Семёновича сочинить прокламацию против белогвардейцев. Но вместо неё появилась песня, впоследствии широко известная в нашей стране.

А в 21-м номере журнала «Красноармеец – Краснофлотец» за 1934 год Пётр Парфёнов так описывал историю создания «Партизанского гимна»: «В феврале 1919 года на заре повстанческого движения против колчаковщины я написал песню «Наше знамя», посвящённую моему земляку и другу Ефиму Мамонтову и одобренную писателем Новиковым-Прибоем:

*Мы, землеробы,
Будем вольно
В родной Сибири нашей жить.
И не дадим своё приволье
Ни отменить,
Ни изменить.*

Написал я её на проверенную с музыкальной стороны мелодию своих ранних песен «На Сугане» (название речки на Дальнем Востоке — А.М.) от 10 июля 1914 года:

*По долинам и по взгорьям
Целый месяц я бродил.
Был на реках и на взморьях
Не жалея юных сил.*

Я решил сделать песню более доступной, более массовой, более действенной. Поставленная задача в значительной мере удалась. Моя песня «Наше знамя», отпечатанная нелегально на полковом шапирографе прaporщиком Савиновым

(бывший учитель), распространённая по этапам стрелочником станции Барнаул Сергеем Кузминым, вскоре получила широкое распространение не только среди мобилизованных Колчаком солдат, но и в боевых мамонтовских отрядах и даже в отдалённой от Алтая могучей Енисейской партизанской армии Василия Яковенко.

События разворачивались, и вскоре я очутился на Дальнем Востоке. После освобождения Владивостока от колчаковских властей, я выступил на торжественном заседании в Народном доме и в конце своей речи спел «Наше знамя». Многие из присутствующих в зале красноармейцев и рабочих встретили песню, как хорошо знакомую».

После этого областная газета и военный совет предложили Петру Семёновичу переделать песню для печати или на её мелодию написать новые слова. Дни эти совпали в

«Красноармеец», картина художника Владимира Гремитских

большой победой, которую праздновал советский Дальний Восток. Интервенты были изгнаны из Амурской области, Гражданской войне наступил конец.

«Под впечатлением всех этих событий, — пишет далее Пётр Парфёнов, — и особенно партизанской победой в Николаевске-на-Амуре, я написал новую песню, заимствую из неё мелодию, тему и форму, и отчасти сам текст из предыдущих стихотворений. Я назвал её «Партизанский гимн».

Песня, также имевшая названия «По долинам и по взгорьям» и «Партизанская, дальневосточная» стала одной из самых популярных в СССР. Газеты писали, что «сейчас нет человека, который бы не знал, не слышал, не пел эту песню».

Однако вопрос об авторстве оставался нерешённым, потому что в 1933 году Петра Парфёнова исключили из партии, в 1935 году арестовали, а затем расстреляли по обвинению в организации антисоветской группы литераторов и создании антисоветских произведений.

По этому делу угодил длинный список литераторов, в том числе Алексей Новиков-Прибой, Павел Васильев, Ефим Пермитин, Сергей Клычков, Юрий Олеша, совсем ещё юный сын Сергея Есенина Юрий и многие другие.

Проблема авторства возникла потому, что после возвращения в Москву с Дальнего Востока Парфёнов зашёл в издательство «Молодая гвардия», имея на руках рекомендацию Пантелеимона Лепешинского, соратника Ленина, о публикации «Партизанского гимна» («По долинам и по взгорьям»). Редактор Илларион Вартин ответил Парфёнову: «Мы партизанщину ликвидируем, а не прославляем». Песня в той, первой редакции, так и не была напечатана. Появилась она позже в литературной обработке Сергея Алымова.

В 1930 годах, после выхода фильма «Волочаевские дни», Дмитрий Покрасс, автор «Марша Будённого» пытался судиться за авторство мелодии, чтобы получать отчисления за каждое её исполнение.

И только в 1962 году сначала Московский городской суд, а затем Верховный суд РСФСР подтвердил авторство Парфёнова.

Старые песни о главном

Но позже оказалось, что у легендарной «Партизанской песни» были прямые предшественники. Не только «На Сугане» и «Наше знамя»...

Исследователь отечественной песенной истории Юрий Бирюков выявил, что ещё в 1915 году был выпущен сборник стихов «Год войны. Думы и песни» Владимира Гиляровского — известного московского репортёра «дяди Гиляя», автора знаменитой книги «Москва и москвичи». Одно из его стихотворений «Из тайги, тайги дремучей» стало песней, которую запели в русской армии. Она получила подзаголовок «Сибирские стрелки в 1914 году». Под этот марш уходили на фронты Первой мировой войны бойцы сформированного в Новониколаевске 41-го Сибирского стрелкового полка, других подразделений и частей сибирских воинов. Но они пели изменённый на свой манер текст:

*Из тайги, тайги дремучей,
От Амура, от реки,
Молчаливо, грозной тучей
Шли на бой сибиряки.
Их сурово воспитала
Молчаливая тайга,
Бури грозные Байкала
И сибирские снега.
Ни усталости, ни страха;
Бьются ночь и бьются день,
Только серая панаха
Лихо сбита набекрень.
Эх, Сибирь, страна родная,
За тебя мы постоим,
Вол нам Рейна и Дуная
Твой привет передадим!
Пусть столетье за столетьем
Слава вьётся над стрелком,
Над Сибирским сорок первым,
Над родимым нам полком.*

Конечно же, слов «от Амура, от реки» и «бури грозные Байкала», а также последнего куплета про 41-й полк в тексте Гиляровского не могло быть. Его дополнили сами воины — в этот полк призывали солдат со всей Сибири — от Байкала до Урала. И они геройски проявили себя в боях Первой мировой. Освобождали крепость Осовец, участвовали в крупной Праснышской операции в Польше, когда германские войска были отброшены за границу, сорвали планы врага окружить русскую армию на Северо-Западном фронте в июле 1915 года. Тогда лишь 11-я Сибирская дивизия, в которую входил 41-й полк, противостояла шести германским дивизиям. За одни сутки в 41-м полку из 53 офицеров и 4190 стрелков в живых осталось только 10 офицеров и 682 солдата. Но сибиряки не отступили!

А совсем недавно обнародован «Марш Дроздовского полка», который считают двойником «Песни сибирских стрелков». Слова «Дроздовского марша» сочинил Пётр Баторин в память о 1200-вёрстном переходе из Румынии на Дон 1-й отдельной бригады русских добровольцев под командованием полковника Дроздовского:

*Из Румынии походом
Шёл Дроздовский славный полк,
Для спасения народа
Нёс геройский тяжкий долг.*

Так на один мотив родилось две разные песни: «красная» и «белая». Позже бригада Дроздовского боролась с оружием в руках против большевиков, что нередко бывало в дни трагического разлома в жизни России. В песне дроздовцев тоже есть пафос, но народ требует спасения во имя Руси святой:

*Шли дроздовцы твёрдым шагом,
Враг под натиском бежал:
Под трёхцветным русским флагом
Славу полк себе стяжал!
Этих дней не стихнет слава,
Не замолкнет никогда,
Офицерские заставы
Занимали города.*

Интересно, что последний куплет «Дроздовского марша» почти полностью перекочевал в «Партизанскую дальневосточную», и только города занимали не «офицерские заставы», а «партизанские отряды».

Обе песни остались в истории, в песенниках, хотя первоисточник был надолго забыт.

В книге Алексея Кретинина «Новониколаевск – Новосибирск: одна судьба на двоих» упоминается ещё и промежуточный вариант всей той же песни.

Его исполняли солдаты 1-й Сибирской армии колчаковского генерал-лейтенанта Анатolia Пепеляева. К каноническому тексту «Марша сибирских стрелков» они добавили два своих куплета:

*Знай, Сибирь: в лихие годы,
В память славной старины,
Честь великого народа
Отстоят твои сыны.
Русь свободная воскреснет,
Нашей верою горя.
И услышат эту песню
Стены древнего Кремля.*

Однако самую широкую известность всё же приобрела песня нашего земляка Петра Парфёнова, ставшая своеобразным символом не только Гражданской войны, но и всей той эпохи. Эту песню распевали в Болгарии, Чехословакии, Югославии, Анголе, Мозамбике, в Чили. Из бессмертного репортажа Юлиуса Фучика, например, известно, что 1 мая 1943 года сквозь решётки гестаповской тюрьмы в Панкраце летел и этот мотив.

Слова из этой песни вычеканены на памятниках партизанской славы во Владивостоке и в Хабаровске:

*Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда.
Партизанские отряды
Занимали города...*

Воспоминания родственников

В фондах Завьяловского районного музея я обнаружил интересные письменные источники о писателе, прежде не публиковавшиеся.

Из письма в музей Антонины Алексеевны Парфёновой, вдовы Петра Парфёнова, датированного 21 августа 1956 года: «В конце 1927 года вышла замуж за Петра, продолжая учиться на медицинском факультете 1-го МГУ. Но окончить не смогла, тяжело заболела, год пролежала в больнице. Потом пошли дети, семья заняли всё моё время. Прожила с мужем восемь лет. У меня родилось два сына. Когда жила с мужем, я не работала. После ареста мужа, с 1936 года работала воспитательницей в детском садике № 49 Киевского района.

Фотография из уголовного дела,
1937 год

В августе 1937 года меня, как жену врага народа сняли с работы. Я устроилась работницей на фабрику «Красный Октябрь». В ночь на 3 сентября 1937 года арестовали, 9 сентября осуждена на 8 лет ИТР как ЧСИР. Весь срок отбыла в лагере.

Вышла из лагеря больной. Год не могла приступить к работе. В конце 1946 года один год работала в г. Александрове в утиль-комбинате швей. С сентября 1947 по апрель 1949 года работала в г. Троицке в драмтеатре супфёром, в 1949 году театр расформировали, я долго не

могла найти работу. С октября 1950 по июль 1951 года работала в клубе имени Ленина г. Рассказово Тамбовской области руководителем кружка художественной вышивки. С сентября 1951 по август 1955 года работала в г. Вологде супфёром, помощником режиссёра драмтеатра. В 1955 году, после снятия судимости, вернулась в Москву в свою семью. Семья моя состоит — мать 75 лет, пенсионерка, сын Борис, 1928 года рождения (инженер, женат) и сын Глеб, 1931 года рождения, студент биофака МГУ. В настоящий момент не работаю, плохое состояние здоровья».

В сентябре 1989 года Борис Парфёнов, сын Петра Семёновича сообщал из Москвы в Завьялово, что мать умерла в 1987 году, брат Глеб скончался в 1985 году.

Из записей беседы с Верой Семёновной Логочёвой, сестрой Петра Парфёнова, которая состоялась 10 мая 1974 года.

Она рассказала краеведу Фартышеву, что жила 15-летней девочкой у брата Петра в Москве в 1924 году. Брат всё время работал, читал книги, писал, отдыхал мало. У него болели глаза, пришлось обращаться к доктору. А к самому Петру часто обращались по разным вопросам крестьяне. Он им рассказывал, как будет устроена жизнь, помогал советами.

«Я с братом Виктором ходила пионерский дворец, где видела в президиуме Крупскую... Пётр работал в правительстве.

Нашей матерью — простой, неграмотной крестьянской женщиной, заинтересовался Калинин и приглашал для беседы в свой кабинет. Это было уже позднее, когда родители наши переехали на станцию Тарасовка, в 25 километрах от Мо-

сквы. Там жил с ними младший брат Василий, который очень любил книги читать и покупал их. Он хотел быть поэтом, погиб в Великую Отечественную войну.

Впоследствии, в 1927 году я приехала в Семёновский, вышла замуж за Логочёва Ивана Афанасьевича.

Петра Семёновича оклеветали и в 1935 году арестовали. Жена его Антонина Алексеевна стала хлопотать о муже, её также арестовали. Провела в тюрьме и ссылке 18 лет. Дети их Борис и Глеб были в детдоме сначала, а потом забрала их бабушка — мать Антонины Алексеевны, и воспитала их. Потом их оправдали. Петра — посмертно. А Антонина Алексеевна живёт сейчас в Москве. Правда, здоровье её плохое».

Автор литературной записи отметил, что Вера Семёновна ещё довольно крепкая женщина. Хотя уже давно на пенсии. Она вспоминает, что в какой-то из предвоенных годов арестовывали и Егора Семёновича, и просидел он три месяца за то, что он будто бы пил с попом, а попов в то время уже не было. Брата Егора оправдали и выпустили.

Из воспоминаний Егора Парфёнова, брата писателя, записанных 7 мая 1974 года сотрудником Завьяловского музея Александром Фартышевым на станции Гилёвка. Автор литературной записи пометил, что Егор Семёнович — общительный, откровенный, искренний, хотя глуховатый старик. А Прасковья Степановна, жена Егора Семёновича, на вид ещё крепкая женщина, вырастила семерых детей, все живы, работают.

«...В 1929 году местные власти Тумановского Совета решила раскулачить отца. Отняли скот, телегу, больше у нас ничего не было. Отец имел новый полушубок, сняли с него и полушибок. Отец снял его, бросил и сказал: «Торговать, так торговать!» «Активисты» осерчали, стали кричать: «Мы тебя покажем, кулацкая морда!» Отец послал младшего брата Василия в райисполком. Нам всё вернули, не вернули только часы-ходики, увезли их в Победу.

В 1930 году отец продал дом и уехал под Москву. Поселились на станции Тарасовка, где и умерли передвойной. Там жили и братья Виктор и Василий. Виктор сейчас с семьёй живёт в Ленинграде, он военный был, майор, на пенсии. Василий с семьёй жил под Москвой, во времена войны он погиб.

В 1930 году я вступил в колхоз «Коллективист», работал до 65 лет на разных работах. Прожив в посёлке Семёновский 57 лет, переехали в Гилёвку, когда все покинули Семёновский».

«Парфёновы были уважаемые»

Интересно, что краевед Фартышев нашёл человека, который принимал участие в раскулачивании семьи Парфёновых. Иван Архипович Зайцев, 1905 года рождения, житель Завьяловского района, рассказывал ему: «Семья Семёна Парфёнова была раскулачена. В раскулачивании принял участие и я лично. Зря их всё же раскулачили. Я у них изъял карету. Я продавал всё хозяйство в пользу государства».

Ещё Иван Зайцев отмечал, что «когда в Гражданскую войну пришли белые, то у Петра изъяли очень много литературы. Белогвардейцы целую машину у него изъяли литературы. А Пётр просидел на стропилах, спрятавшись...»

У Петра Семёновича был брат Сергей. В 1937 году, когда арестовали по линии НКВД Петра, то, проживая в Москве, Сергей застрелился, зная, что обвинят ни за что.

Сестру его Наташку я хотел взять замуж, но она не пошла. Вышла замуж в Глубокое за Верченко. Давно из Глубокого уехали.

Сестра Петра — Вера должна жить в Краснодубровском. Парфёнов Егор живёт на станции Гилёвка».

Воспоминания Кирилла Ивановича Горбаченко, жителя села Завьялово: «Жил я прежде в посёлке Новоглубоковском. Это в одном километре от Семёновки. И Парфёновых хорошо знал.

Помню, как они приехали в 1913 году большой семьёй, в лаптях... Потом уже при советской власти стали жить лучше. Им помогал Пётр. Они построили дом. Были у них лобогрейка да грабли, немного скота, больше ничего не было. В 1927 году у них даже жил в работниках Иван Логачев. Они сдружились с Верой Парфёновой и убегом поженились. Отец их Семён говорил об этом так: «Вот, идол тебя изломай, такую птицу украл, да я и так бы её тебе отдал». Чувство юмора у этой семьи было хорошее.

Люди Парфёновы были уважаемые. Односельчане отбирали у них скот из зависти и жадности.

Помню, как приезжал Пётр в отпуск. Часто видел его с книгой в березняке у дома».

Житель села Леньки Егор Лопин, участник партизанского восстания в Леньках, вспоминал о Петре Семёновиче так: «...В первых числах декабря 1918 года Парфёнов приезжал в село Леньки белогвардейским офицером. Явился к старосте волостного правления. Вызвал белогвардейскую милицию во главе с ярым колчаковцем Закреевским. Проводил с ними совещание. Закреевскому говорил, что ты не разбираешься, жестоко поступаешь, даже расстреливаешь. Закреевский: «Я тебя слушаться не буду, хотя старший офицер, подполковник. Я большаков стрелял, и стрелять буду».

Закреевский застрелил в Хорошавке Денисова Ивана, в Тюменцево — Шляхова. И учинил разбой. Так и разошлось совещание.

Парфёнов стоял на квартире у попа Сорокодомского. У Парфёнова были знакомые в Леньках — Тарасов Ефим, Печёнкин Фёдор, Тарасов Михаил. Они знали, что Парфёнов не белогвардец, а большевик...

Парфёнов вышел из квартиры попа, сел на сани, и Тарасов не повёз в село Камышенка, а повёз к себе домой. На квартиру меня пригласили, Печёнкина Фёдора и Тарасова Михаила. Парфёнов сказал: «Я, товарищи приехал узнать, сколько у вас в Леньках набирается таких людей, что восстать, перебить врагов трудового народа. В список написали только 12 человек. Оружия — одна винтовка. Парфёнов сказал: «Мало. Нам нужно восстание сделать по всему Каменскому уезду,

даже по Славгородскому». Потом говорил Печёнкину Фёдору: «Узнай по посёлкам... А к вам через 10 дней приеду».

Мария Бессонова, бывшая учительница, пенсионерка, село Камышенка, написала краеведу Александру Фартышеву 10 июня 1974 года письмо:

«Уважаемый тов. Фартышев!

Согласно вашей просьбе посылаю вам для районного музея воспоминания о Парфёнове.

С замечательным земляком, поэтом, прозаиком Петром Семёновичем Парфёновым встречалась в 20-е годы в селе Леньках, где я учительствовала. Во время отпуска Пётр Семёнович часто приезжал в Леньки. В Леньках у него были знакомые. Транспортом ему служил велосипед, с которым он не расставался. Отпускное время Парфёнов проводил у родителей в посёлке Семёновском, который находился недалеко от Леньков.

Пётр Семёнович был среднего роста, одевался просто — тёмный костюм, тёмно-синяя рубашка, косоворотка, кепка. Иногда ходил без головного убора. Был простой, очень общительный человек, не гордился своей многогородней одарённостью. Образованный, он запросто сходился, разговаривал с людьми, интересовался жизнью деревни.

В Леньках он посещал собрания, концерты, библиотеку, школу. Встречался с учителями, интересовался работой школы, образованием, воспитанием детей, мечтал, чтобы дети были культурные, образованные, всесторонне развитые. Молодёжь в селе чтобы учились, участвовала в художественной самодеятельности, читала.

В прошлом Пётр Семёнович был учителем Глубоковской школы. Однажды по приглашению Петра Семёновича мои хозяева и я побывали у Парфёновых в посёлке Семёновский. Вместе с родителями Петра Семёновича жила семья его брата Егора. Парфёновы встретили нас приветливо, радушно, угостили чаем, дынями... Мать Петра Семёновича ласково

Монумент «Штурмовые ночи Спасска»

называла его Петруха. Она была очень симпатичная старушка. Перед нашим отъездом как гостеприимный хозяин Пётр Семёнович передал со мной для Леньковской библиотеки три книги своих произведений с дарственной надписью. У Петра Семёновича была своя библиотека. Книги я вручила по назначению».

...19 мая 1987 года в связи с 50-летием образования Алтайского края и предстоящей переписью в Барнауле была переименована улица 2-я Северо-Западная Железнодорожного района в улицу имени Петра Парфёнова. Подписал документ председатель Барнаульского горисполкома Владимир Баварин. Эта улица находится на выезде из города, перед старым автомобильным мостом через Обь. Так же имя Парфёнова носят улицы в алтайском райцентре Завьялово, в селе Буздяк и в городе Спасске.